

Ю.И. Борхардт

**Экономическая история
Германии**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
Ю11

Ю11 **Ю.И. Борхардт**
Экономическая история Германии: Часть 2 / Ю.И. Борхардт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-518-06041-8

Юлиан БОРХАРДТ (1868 - 1932) - немецкий социал-демократ, экономист и публицист. В книге "Экономическая история Германии" автор рассматривает несколько вопросов, касающихся способа производства, классовой структуры, общественного строя и политического устройства Германии XIII - XVI вв.

ISBN 978-5-518-06041-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

значения, если бы он вздумал описывать не действительные, а желательные для него соотношения явлений, так и историк создал бы только макулатуру, если бы он вместо того, чтобы, с полным беспристрастием исследовать действительные события прошлого и их причинную связь, стал рассматривать их через очки своей излюбленной идеи и таким образом искажать их. Ибо естествоиспытатель, неправильно изучающий явления, не может открыть никакого естественного закона, который дал бы нам технически применимые знания, и равным образом историк, пристрастно исследующий историю, не может открыть ничего ценного для практической политики. При первой же попытке жизненного применения труды и того и другого оказываются несостоятельными.

Следовательно, историк, как и всякий естествоиспытатель, должен работать с величайшим беспристрастием и с величайшей свободой от предвзятых мнений. Не следует, конечно, скрывать, что такое беспристрастие является гораздо более трудным в области истории, да и в области всех вообще социальных наук, чем в науках естественных, ибо тут почти всегда приходится сталкиваться с вещами, вызывающими у каждого человека личные надежды и личные опасения. Полное беспристрастие здесь почти невозможно; можно надеяться достичь лишь возможно большей его степени, которой и приходится удовлетворяться.

Удовлетворяет ли таким целям буржуазная историческая наука? Не подлежит сомнению, что не только школьные руководства, но и наиболее популярные «всемирные истории», вроде Шлоссера, Вебера, Беккера, грешат грубейшей пристрастностью, поверхностными и зачастую ложными изображениями самых простых фактов, произвольным установлением никогда не существовавших в действительности причинных соотношений. Но по этим образчикам нельзя судить о всей буржуазной исторической науке. Момсен, Опкен, Дельбрюк, Лампрехт и многие другие — можно почти сказать все сколько-

нибудь видные историки—никоим образом не могут быть заподозрены в том, что в своей работе они не проявляли стремления к наибольшему беспристрастию и объективности. Конечно, и они не вполне беспристрастны, ибо абсолютная объективность не дана ни одному человеку, но ведь и мы, социалисты, в этом отношении не являемся исключением. Поэтому было бы бесполезно сопоставлять наши исследования с их исследованиями. Они изображают вещи с своей точки зрения, мы—с своей; результат—недостаточная применимость для целей практической политики—в обоих случаях остается тот же самый.

Как бы высоко мы ни ставили работы этих ученых историков, они не могут нас удовлетворить, ибо они исходят из неправильных предпосылок. Допустим, что все эти знаменитые буржуазные историки трактуют все факты, события и явления прошлого с такой точностью и беспристрастием, какие только доступны вообще человеку. У нас немедленно возникает тогда вопрос о причинной связи этих фактов. Ведь, например, то обстоятельство, что Римская империя путем долгой, столетиями продолжавшейся борьбы, покорила себе весь известный тогда мир, а затем, на протяжении следующих столетий, постепенно приходила в упадок, пока окончательно не погибла,—является ничем иным, как простой повестью, коротающей наши досуги, если мы не узнаем вместе с тем *почему* это произошло. Только узнав причину этих событий, мы можем извлечь из них выводы, помогающие нам определить свою политическую деятельность в современной действительности.

Удивительно то, что именно до этого «почему» буржуазные историки не доискиваются, а оставляют его где-то на заднем плане. Они, эти свободные от предвзятости, стремящиеся к высшей объективности мыслители, в этом одном, но наиболее важном пункте, безнадежно погрязли в сетях излюбленной идеи. «Люди делают историю»—вот что мы слышали в ответ на вопрос *почему*,—

положение, не вытекающее из самой истории, а просто на просто устанавливаемое, обычно самоочевидное. В тех случаях, когда они пытаются вскрыть внутреннюю связь исторического процесса, они сводят ход истории к индивидуальным способностям участвующих в ней лиц. В последнее время, опровергая исторический материализм, они время от времени ведут дискуссии по этому пункту, но по существу дела это является для них не вопросом, а истиной, которая сама собой разумеется. Это дает их истории совершенно определенное направление. То, что они пишут есть в сущности *история вождей*.

Тем не менее, будучи настоящими историками, они убеждены, что история, которую они пишут, есть не только интересное чтение, но и нечто такое, из чего люди должны кое-чему научиться. Но каким же образом мысли и дела людей прошлого можно утилизировать для практических целей современности? Это происходит в форме, так сказать, моральных проповедей насчет исторических личностей. Живущим нужно показать, что вот такой-то хорошо сделал свое дело и заслуживает подражания, а вот такой-то выказал себя неспособным и на его примере можно видеть, чего не следует делать.

Таким образом их история превращается в конце-концов в ряд оценок королей, полководцев, государственных людей, художников, словом, всех тех лиц, которые, согласно буржуазному мировоззрению, «делали историю».

Что это действительно так, доказывать не приходится. Место не позволяет мне вдаваться здесь в подробности, ибо для этого пришлось бы перепечатывать целые томы. В виде иллюстрации я приведу только два примера, взятые из сочинений самых известных буржуазных историков.

Из трагедии Шиллера «Дон-Карлос» всякий знает трагические отношения между испанским королем Филиппом II, жестоким и фанатическим преследователем еретиков, и его сыном Карлосом. Однако, поэт изобразил оба эти персонажа не совсем верно с исторической дей-

ствительностью, и Ранке посвятил этому предмету особое исследование, которое привело его к следующим результатам¹⁾: «Кто из двух виноват? Отец, его жестокосердие, его неумолимость, приведшая в конце-концов к разрыву и роковой развязке? Или виноват сын, который никогда не хотел понять естественного подчинения и поддался своим упорным и бурным чувствам, скрывавшим от него его действительное положение и доведшим его до безысходного тупика,—тупика, который исключает облагораживающую и самосдерживающую дисциплину? Должны ли мы извинить жестокость Филиппа необходимостью дать отпор неумеренной страсти, или должны оправдать самую эту страсть ее естественным ростом под влиянием внутренних мотивов, с одной стороны, и внешних ограничений — с другой? Вина и оправдание могут быть почти одинаково обоснованы; одно зло неизбежно порождает другое, и ни в того, ни в другого мы не имеем права бросить камнем. Король Филипп и Карлос незаметно для себя попали в лабиринт, выход из которого могли бы только дать бескорыстная доброта сердца и признание взаимных прав,—т.-е. качества, несвойственные ни тому, ни другому».

«Кто из двух виноват?» В этих словах Ранке, а вместе с ним и вся буржуазная история, выражают цель и смысл своей работы, сводящейся к тому, чтобы вынести правильное суждение о вине или невинности участвующих в истории лиц.

Насколько вопрос этот важен для буржуазной истории, показывает еще следующее место из Римской истории Момсена, трактующее о назначении Сципиона римским главнокомандующим во время второй пунической войны (211 г. до Р. Хр.). Момсен пишет:

«Сын, который отправляется отомстить за смерть отца, спасенного им 9 лет тому назад от смерти во время битвы при Тицино,—этот красивый молодой человек с

¹⁾ Леопольд фон-Ранке, Историческо-биографические исследования, 1878 г., стр. 490.

длинными локонами, скромно предлагающий себя на опасный пост за неимением более подходящего лица, этот простой военный трибун, которого голоса центурий внезапно возвели на самую вершину иерархической лестницы,—все это производило на римских граждан и крестьян поражающее и неизгладимое впечатление. От этой привлекательной геройской фигуры веет особым очарованием, и веселое, самоуверенное одушевление, отчасти искреннее, отчасти наигранное, облекает всю ее ослепительным ореолом. У Сципиона имелось как раз достаточно мечтательности, чтобы увлекать сердца, и достаточно расчетливости, чтобы принимать разумные решения и не упускать из виду обыденные. Он не был настолько наивен, чтобы разделять веру толпы в его божественную миссию и не настолько прост, чтобы уничтожить эту веру; с другой стороны, он был в глубине сердца убежден, что пользуется особой милостью со стороны богов. Это была по-истине пророческая натура, стоящая головой выше остального народа и в то же время не отрывающаяся от народа,—человек, крепкий как скала, царственный по духу, который полагал, что принятие царского титула унизило бы его, и в то же время не мог себе представить, что конституция республики является обязательной также и для него; настолько уверенный в своем величии, что он не понимал, что такое зависть и ненависть, с готовностью признавал чужие заслуги и сострадательно прощал чужие недостатки; превосходный офицер и пронырливый дипломат, лишенный, однако, неприятных особенностей и той и другой профессии и сочетавший эллинистическое образование с ярко выраженным римским национальным чувством, красноречием и приветливостью. Все это привлекало к Сципиону сердца солдат и женщин, его собственных земляков и испанских наемников, его соперников в сенате и его великого карфагенского противника. Скоро имя его было на устах у всех и сам он казался звездой, которой суждено принести его родине победу и мир».

Во всяком случае из этого отрывка явствует, что Сципион привлек к себе сердце историка Момсена. Однако, это любовное погружение в интимную жизнь исторической личности¹⁾ стоит в полном соответствии с высшей целью буржуазного историка, заключающейся в том, чтобы вынести возможно более полное суждение о заслугах или степени виновности отдельного лица.

II.

Однако, именно этот вопрос для нас, социалистов, совершенно безразличен. Знание истории нужно нам для совершенно другой цели, чем та, которую преследуют буржуазия и ее историки. Исторические исследования этих последних, желают они этого или не желают, знают они это или не знают, имеют своей целью «поддержать государственную идею». Внушить уважение, даже благоговение, перед вождями и авторитетами, вот что является, если не их сознательной целью, то во всяком случае необходимым вытекающим из их трудов и охотно принимаемым выводом. Вместе с тем это фактически служит на пользу практической политике буржуазии, той самой «государственной» политике, которая имеет своей предпосылкой благоговейное подчинение рабочих масс существующим господствующим классам.

Мы хотим совершенно обратного. Мы хотим изменить формы человеческой общественной жизни и ниспровергнуть государство и классовое господство. И мы открыто признаем, что именно этой цели и должны служить наши исторические исследования.

Однако, общественные условия меняются не потому, что мы этого хотим. Из работ Маркса мы знаем, что

¹⁾ При этом я оставляю совершенно в стороне вопрос, возможно ли вообще воспроизвести внутреннюю жизнь давно умерших людей с хотя бы приблизительной достоверностью. По этому поводу см. мою брошюру «Исторический материализм».

они вообще не могут быть изменены по произволу, а что они «развиваются». История человечества есть идущее вперед развитие. Это, конечно, не значит, что история развивается сама собой, без содействия людей ¹⁾. Но мысль эта заключает в себе положения, что история совершается по определенным законам развития. Следовательно, тот, кто хочет направить социальное развитие по определенному направлению, должен предварительно узнать законы социального развития. Это знание и должны нам дать социальные науки, причем политическая экономия, главным образом, освещает нам настоящее, а история—прошлое.

Этим самым задача социалистической истории в сущности уже установлена. Социалистическая история должна дать ответ на вопрос: как возникли социальные условия, при которых мы в настоящее время живем? Как развились они из условий прошлого? А это и дает нам возможность установить закон социального развития.

Чрезвычайно значительная доля этой работы была уже выполнена Марксом. Созданный им исторический материализм вскрывает нам мировой закон социального развития и этим предугадывает общее направление всякому социалистическому историческому исследованию: социалистическое историческое исследование должно быть применением исторического материализма.

Однако, среди социалистов существуют различные взгляды насчет того, что такое исторический материализм. Господствующий взгляд заключается в том, что исторический материализм объясняет ход событий не способностями и намерениями действующих в них людей, а хозяйственными условиями. Конечно, здесь принимается в расчет не материальное положение отдель-

¹⁾ Понятие развития я не могу разобрать здесь детально, ибо это чрезвычайно расширило бы настоящее введение. Я предполагаю, что мои читатели знают, что такое «развитие» и потому не примут в серьез болтовню о мнимом «фатализме» марксизма. Подробнее см. об этом в моей брошюре «Einführung im den wissenschaftlichen Sozialismus», Kap. 8.

ных лиц, а общее экономическое положение данной эпохи. Ход истории зависит не от того, плохо или хорошо живет отдельному лицу, а от того, каковы общие условия производства и потребления и каковы вытекающие из них личные и имущественные отношения между людьми; именно из этих общих условий и рождаются общность интересов и противоречия интересов, возникают экономические конфликты между различными народами, внутри народов складываются различные группы и классы со своими отчасти общими, отчасти взаимно противоречащими интересами. Наконец, из совокупности этих связей и противоречий возникают исторические события, войны, союзы, законодательства, открытия, изобретения, рост сельского хозяйства, промышленности, торговли и т. д. ¹⁾

Социалистические историки в общем работали до сих пор в этом именно духе. Изображение событий поэтому и для них стоит на первом плане, с той только разницей, что в отличие от буржуазных историков они всякий раз стремятся свести события на хозяйственные отношения и объяснить их экономическими условиями данного времени.

Такое понимание я считаю принципиально неправильным. Я очень далек от мысли принижать или хотя бы не дооценивать работ старшего поколения социалистических историков,—Меринга, Каутского и др. Я высоко ценю написанные ими книги и прекрасно знаю, что без их трудов мы не смогли бы достичь тех знаний, которыми мы теперь обладаем и которые должны вести нас дальше. Тем не менее, я не могу закрывать глаза на их заблуждения, и полагаю, что мы проявим к ним тем больше уважения, чем большую пользу мы извлечем из их сочинений. А это мы можем сделать только тогда, если, опираясь на их достижения, мы сделаем шаг вперед.

¹⁾ См. «Der historische Materialismus» 2, Aufl, S. 17.

Цель этих историков заключалась в том, чтобы выяснить связь между политическими деяниями человечества и экономическими отношениями, показать, что князья, полководцы и государственные люди прошлого совершили то или другое не благодаря своим личным качествам и свободно принимаемым ими решениям, а благодаря железной необходимости тех объективных ситуаций, в которых они находились. Благодаря этому историки эти пролили новый свет на события прошлого. В то же время—и в данном случае для меня это самое главное—они осветили хозяйственные и социальные условия прошлого ¹⁾ и этим дали нам возможность приступить к стоящей перед нами неотложной задаче.

По моему убеждению, то положение, что исторические *события* обуславливаются хозяйственными отношениями, является неприемлемым ²⁾. Исторический материализм стремится выяснить нечто гораздо большее, чем хозяйственную обусловленность исторических событий. В центре интересов для него стоят *социальные метаморфозы*, т.-е. длительные изменения общественного порядка, совершившиеся и совершающиеся в жизни народов. Эти социальные метаморфозы — не события вроде войн и битв, а такие факты, как исчезновение старого класса, возникновение нового, перегруппировка существующих классов и т. д.,—и стремится экономически объяснить исторический материализм. При этом объяснение должно исходить не вообще «из экономических отношений», ибо это является всегда более или менее расплывчатой формулой, а из совершенно определенных и конкретных изменений способа производства, к которым вынуждает рост материальных потребностей и вытекающая отсюда необходимость в большей производительности труда. Для этой цели способы про-

¹⁾ Следует вспомнить, например, о великопепной «Легенде о Лессинге» и о замечательном труде Каутского—«Предтечи современного социализма».

²⁾ Подробнее смотреть об этом в «Der historische Materialismus». 2 Aufl., S. 16 и далее.

изводства должны совершенствоваться, т.-е. изменяться, благодаря чему возникают новые классы, изменяются классовые взаимоотношения, словом, меняется общественный порядок. В связи с этим меняется и соотношение сил отдельных классов; вытекающая из конфликта их интересов классовая борьба ускоряет другие события и таким образом становится рычагом политической истории.

В моей брошюре ¹⁾ я попытался следующим образом изобразить общий ход мыслей исторического материализма:

«Непрерывный рост материальных потребностей вынуждает людей неустанно заботиться о повышении производительности труда. Это повышение, благодаря применению новых средств и методов работы, приводит к изменению всего способа производства. Вследствие этого меняются социальные условия, перестанавливаются взаимные отношения классов друг к другу, возникают новые классы, вырастают классовые противоречия и классовая борьба и благодаря этим социальным метаморфозам создается почва и повод для таких политических событий, как войны, международные отношения, законодательства и т. д. Одновременно с этим, благодаря тем же социальным метаморфозам, преобразуется мышление людей, их правовые, моральные и религиозные идеи и их внешние жизненные отношения».

В том же месте я привел цитаты из Маркса и отчасти из Энгельса, доказывающие, по моему мнению, что творцы исторического материализма понимали его в таком именно духе ²⁾.

Совершенно ясно, что если мы примем такое понимание исторического материализма, то социалистическая история примет значительно другой вид. Я отказался от всяких попыток раскрыть связь между историческими

¹⁾ «Der historische Materialismus», 2 Aufl., S. 46.

²⁾ Конечно,—я это намеренно подчеркиваю, чтобы и здесь оказать отпор слепому благоговению перед авторитетами,— в конечном счете важно не то, что думал Маркс, а то, что объективно правильно.